И. Д. Байтувганова

ТИПЫ ВРЕМЕННОЙ НЕЛОКАЛИЗОВАННОСТИ ДЕЙСТВИЯ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Работа представлена кафедрой тюркских языков
Дагестанского государственного университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Э. Гаджиахмедов

Настоящая статья посвящена изучению системы способов выражения временной локализованности/нелокализованности высказывания на материале современного кумыкского языка. В ней на материале современной художественной литературы рассматривается три основных типа временной нелокализованности действия.

Ключевые слова: простая повторяемость, обычность (узуальность), временная обобщенность («вневременность», «всевременность»).

The article studies the system of ways of expressing temporal localisation/absence of localisation of an utterance based on the material of the modern Kumyk language and modern fiction. Three basic types of temporal absence of action localisation are considered: 1) simple repetition, 2) commonness (usualness), 3) temporal generalisation («timelessness», «time penetration»).

Key words: simple repetition, commonness (usualness), temporal generalisation («timelessness», «time penetration»).

В кумыкском языкознании до сих пор нет специальных исследований, посвященных изучению системы способов выражения временной локализованности/ нелокализованности высказывания. Семантически локализованность/нелокализованность ситуации во времени трактуется нами как оппозиция следующих семантических компонентов: 1) конкретности, определенности местоположения действия и ситуации в целом на временной оси, т. е. прикрепленность к какому-то одному моменту или периоду; 2) неконкретности/неопределенности местоположения действия и ситуации на временной оси.

Вслед за А. В. Бондарко мы выделяем три основных типа временной нелокализованности: 1) простую повторяемость, 2) обычность (узуальность), 3) временную обобщенность («вневременность», «всевременность») [1, с. 1, 13–14, 35, 69–112, 177–178, 197–223, 237; 2, с. 500–502; 3, с. 454–462].

Рассмотрим признаки каждого из этих типов временной нелокализованности на материале кумыкского языка.

1. *Простая повторяемость*. Имеется в виду узуальная неограниченная повторяемость действия в рамках конкретного эпизода. В таких случаях временная нелокализованность ограничена определенным отрезком времени, т. е. включена в более широкую ситуацию временной локализованности. Например: *Баш вакъти ачувлана, чекелене тургъан эдим* (Ибрагьимов). – «В первое время я злился, обижался». *Баш вакъти Магьамматзапирни артындан бригадирибиз оьзю юрюп тургъан эди* (Атаева) – «В первое время наш бригадир сам ходил за Магомедзапиром».

Значение обычности, повторяемости действия, выражаемое формой настоящего-будущего времени, характерно и для других тюркских языков, в которых употребляется форма *-а*. Например: узб.: *Папирос чекасизми? – Чекаман.* «– Вы курите? – Курю»; татар.*: Голне алай тотмыйлар*. «Цветы так не держат». Это значение встречается и в памятниках тюркской рунической письменности, что позволяет считать его одним из древнейших значений данной глагольной формы. Сема обобщенности действия в кумыкском и в других тюркских языках достигает такого уровня, на котором нет необходимости в локализации их временной отнесенности. Постоянно-непрерывные признаки, выражаемые формой *-а*, действительны не только для сферы настоящего, но и прошедшего и будущего.

2. *Обычность (узуальность).* Повторяемость действия сопряжена с оценкой того, что повторяется (регулярно или нерегулярно), как выходящего за рамки конкретного эпизода и конкретного (конкретно наблюдаемого) ряда повторений. Обычность всегда предполагает перспективу аналогичных повторений (реальные повторения плюс возможные). Основа обычности (узуальности) – это обобще-

ние опыта говорящего или представляемой им группы людей. Явственным признаком данного типа временной нелокализованности является то, что в данном случае возможен как конкретный, так и обобщенный субъект (речь может идти о некотором процессе субъектов) [3, с. 454–455]. Например: *Тангны ярыгъы мени даим де ругьландыра, ону ахшамгъы сенювю буса... гьалеклендире* (И. Ибрагьимов). – «Утренняя заря меня всегда вдохновляет, а ее угасание меня тревожит». *Менден не сорасын?...Гелемен, сибирип уьйлени де гетемен. Биревге сейлемеймен, бир ерге чыкъмайман* (Ш. Альбериев). – «О чем может спросить он у меня? Прихожу, подметаю комнаты и ухожу. Ни с кем не разговариваю, никуда не выхожу».

3. *Временная обобщенность* («вневременность, всевременность») – наивысшая степень генерализации ситуаций и чаще всего встречается в разного типа сентенциях, пословицах, поговорках, суждениях о постоянных закономерностях: *Дюнья магъа охулмагъан сигьрулу китапны йимик. Тюзю, шо китапны охума тартынасан* (А. Абу-Бакар). – «Мир мне кажется непрочитанной волшебной книгой. Правда, ты не решаешься читать эту книгу». *Оьзюню гезюндеги аркъалыкъны гермей, гишини гезюндеги чепню гере* (И. Ибрагьимов). – «В своем глазу бревна не видит, в чужом соринку видит». В таких случаях позиция, точка зрения говорящего сохраняет свою значимость, однако подобные высказывания – общие истины. Существенным признаком временной нелокализованности данного типа является обязательность обобщенного (генерализованного) субъекта (объект, если он присутствует, также характеризуется данным признаком), вся ситуация в целом отличается наивысшей степенью генерализации [6, с. 181–185].

Второй и третий типы временной нелокализованности отмечаются (при разной терминологии) и признаются многими исследователями. Что же касается первого типа, то он трактуется по-разному, причем нередко включается в сферу конкретности, временной локализованности. Так, Т. А. Булыгина, понимая под локализованными во времени явлениями «события и процессы, представленные как конкретные, реально происходящие (происходившие, произошедшие) в некоторый момент или период времени, а также ситуации и состояния, относящиеся к конкретному временному отрезку», рассматривает предикации, описывающие реальные события, «повторявшиеся неопределенное число раз (вроде *Каждый раз, когда я открывал дверь, я замечал...* как имеющие значение временной локализованности, хотя и неопределенной» [4, с. 19]. Такая точка зрения имеет свои основания. Как уже отмечалось выше, «простая повторяемость» включается в более широкую конкретную ситуацию. Признак конкретной временной локализованности (нередко в условиях непосредственной наблюдаемости) явно представлен в содержании высказываний данного типа. Вслед за А. В. Бондарко мы относим подобные языковые факты к сфере временной нелокализованности.

В выражаемой семантике наряду с конкретной временной локализованностью более широкой ситуации представлена временная нелокализованность каждого из повторяющихся действий, хотя и ограниченная рамками того эпизода, о котором идет речь. Иначе говоря, обозначаемая ситуация наряду с элементами конкретности заключает в себе и признаки неконкретности (хотя и ограниченной, относительной). Проанализируем высказывание *Бир денгерей, бир тура туруп Али уьлкюлени арасына яшына* (А. Гьамитов). – «То кувыркаясь, то поднимаясь, Али прячется между кустами». Общая ситуация

конкретна и наблюдаема. Однако в рамках отрывка настоящего времени представлены неограниченно повторяющиеся (чередующиеся) действия, причем каждое из них – в рамках актуальной ситуации непосредственного наблюдения – все же не привязано лишь к одному моменту времени, и в этом смысле речь должна идти, по мнению А. В. Бондарко, о временной нелокализованности (хотя и ограниченной, совмещающейся с признаками конкретности) [7, с. 219]. С признаком нелокализованности связана и возможность употребления в плане настоящего времени формы прошедшего категорического или будущего времени. Это важный грамматический факт, который нужно учитывать при интерпретации случаев такого типа.

Далее из указанных типов нелокализованности более подробно рассматривается временная обобщенность («вневременность», «всевременность»). Данный тип временной нелокализованности, отличающийся максимальной степенью абстрактности действия и всей ситуации, наиболее характерен для форм настоящего-будущего времени. Значение этих форм открывает наибольшие возможности для реализации семантики временной обобщенности. Не случайно «вневременность» (или «всевременность») упоминается в грамматиках именно при описании значений форм настоящего времени. Формы прошедшего и будущего времени также способны к выражению временной обобщенности (особенно в пословицах и поговорках), однако чаще эти формы, если они выступают при выражении ситуаций нелокализованности, передают «простую повторяемость» или обычность (те разновидности семантики нелокализованности, которые легко умещаются в рамках прошлого или будущего) [7, с. 220].

Каждая из форм времени накладывает свой отпечаток на выражение (способ представления) временной обобщенности. Форма настоящего-будущего времени представляет «общие истины» как действительные для максимально расширенного плана настоящего: «так бывает (в жизни, в этом мире)», «это действительно для нашего времени (и для времени речи)», «таково общее правило»: *Илмуну тереги тер булан сугъарыла.* – «Древо науки поливают потом». *Уручу бары да халкъ уручу деп ойлай.* – «Вор думает, что все люди воры».

Иной оттенок представления нелокализованных во времени действий связан с формами прошедшего времени: *Чолпан тувду – танг къатды.* – «Венера взошла – наступило утро». *Оьзюню сокъмагъы булан барагъанда атам ажайып арив чечеклер таба болгъан* (Р. Гьамзатов). – «Когда мой отец шел по своей тропинке, он находил удивительно красивые цветы». В подобных высказываниях то, что происходит всегда, постоянно, представлено как бы на примере одного, уже совершившегося факта (вместе с его результатами, последствиями). На передний план выдвигается именно один конкретный целостный факт, репрезентирующий и другие подобные факты. Фактически временная нелокализованность (неконкретность) ситуации в целом сочетается с метафорической локализованностью данного «наглядно-примерного» действия. Ср. примеры со значением обычности в широком контексте настоящего длительного времени (с включением опыта прошлого): *Досларынг тююнмекде, душманларынг кеп болуп* (Й. Къазакъ). – «Друзья твои в печали оттого, что у тебя появилось много врагов».

В таких случаях подчеркивается предшествование данного действия по отношению к другому в плане абстрактного настоящего. Форма прошедшего времени при обозначении обычных и обобщенных действий всегда может быть заменена формой будущего времени. По сравнению

с этими заменами форма прошедшего времени более подчеркнуто передает один акт (из серии подобных актов), причем наглядно представляется как бы уже готовый результат.

Особым образом представляют нелокализованные во времени действия формы будущего времени. Значение будущего выявляется не только как коннотативный оттенок способа представления действия, но и как достаточно явный элемент смысла «так бывает всегда, так может быть и в будущем, непременно так и будет». Например: *Гишини атына минген тез тюшер* (погов.). – «Тот, кто садится на чужого коня, быстро слезает». *Затны герген кюйде айтмай, нечик айтарсан* (Ибрагьимов). – «А как скажешь то, что видел, кроме как случилось».

Заметим, что реализация значения будущего у форм простого будущего времени при выражении обычных и обобщенных действий не является постоянной. Значение будущего может нейтрализоваться. Это происходит в тех случаях, когда форма будущего времени передает предшествование одного действия другому, например: *Ол адам эшикни ачгъандокъ, башын гетерип иржаяр, еринден туруп, ону алдына багъып юрюр, къолун алып саламлашар* (Ибрагьимов). – «Он, как только откроют дверь, подняв голову, улыбнется, встав, подойдет к нему, поздоровается за руку».

Для значения временной нелокализованности характерно широкое взаимодействие с модальными элементами потенциальности. Таковы, в частности, значения:

а) обычного или обобщенного действия с элементом подразумеваемой возможности/невозможности: *Ким биле, ким биле, ким биле... яшавда не де болмаймы?* (А. Гьамитов). – «Кто знает, кто знает, кто знает, в жизни разве не всякое бывает»? *Бизин бу ниъматгъа етишдирген анадаш Ватангъа алгъыш тилемей, кимге тилерсен*! (Ш. Альбериев) – «Кого же нам еще поблагодарить, кроме как Родине, за то, что мы живем такой жизнью»;

б) обычного или обобщенного действия, постоянная возможность (невозможность) осуществления которого представляет собой свойство субъекта (класса субъектов) [5, с. 103]: *Ол гьар гесек этге бурч сепме унутмас, чагъыр уртлагъан сайын, мыйыкъларын бурар* (А. Абу-Бакар). – «Он никогда не забывает поперчить каждый кусок мяса, после каждого глотка вина подкручивает усы»;

в) обычного или обобщенного действия с элементом неизбежности, отнесенным к его будущим проявлениям (говорящий высказывает уверенность в том, что данное действие, вообще обычное и типичное, непременно осуществится в будущем): *Мен бираздан Москвагъа баражакъман. Шонда, озокъда, елдаш Ленинни бирдагъы гережекмен* (Керимов). – «Скоро я поеду в Москву. Там я, конечно, еще раз встречусь с товарищем Лениным»;

г) одно из проявлений взаимодействия временной нелокализованности с модальностью заключается в возможном представлении «общих истин» с участием форм настоящего-будущего времени и повелительного наклонения, что нередко встречается в пословицах. Ср.: *Яшав бир ерде токътап турмай* (У. Мантаева). – «Жизнь не стоит на одном месте». *Янгыз терек бав болмас* (погов.). – «Одно дерево еще не сад».

И здесь нельзя не обратить внимание на различие в способах представления «вневременности». В одном случае данный смысл передается сквозь призму обобщенного императивного запрета, а в другом – констатации того, что «не делают» (люди в данных обстоятельствах) и что, следовательно, не следует делать [7, с. 224].

Нелокализованность ситуации во времени, сопряженная с качественностью, возможна и в тех случаях, когда в роли предиката выступает прилагательное: *Бу йыл язбаш янгурлу* – «В этом году весна дождливая», *Чакъ алай йылы* – «Погода очень даже теплая». В таких случаях выражается постоянная для обозначаемых условий (не связанная лишь с одним периодом времени) связь качества и его носителя [4, с. 22–40].

Иногда для усиления модального оттенка сомнения, удивления, утверждения к видовременным формам присоединяются модальные слова *экен* «оказывается», *бугъай* «кажется», аффикс *-дыр* (в значении «наверное»), модальная частица *-чы: Оьзен сувлар исси экен чи* – «Речные воды, оказывается, уже теплые»; *О къыз гъали де гиччи экен чи* – «Та девушка, оказывается, еще маленькая»; *Бугюн чакъ булутлу бугъай чы* – «Сегодня погода туманная же».

Широкая сфера неконкретности (обобщенности, генерализации) и неопределенности, включающая и неконкретность (а также неопределенность) местоположения действия и ситуации в целом во времени, затрагивает и семантику лица (поле персональности). Обобщенно-личные конструкции с глагольными формами 2-го лица единственного числа включают в свое категориальное значение признак нелокализованности.

Временная нелокализованность (неконкретность) ситуации включает некоторые элементы обобщенно-личного значения – обобщение опыта говорящего и представляемого обобщенного класса лиц (отстранение от конкретной личности говорящего, стремление представить и свой опыт обобщенно): *Биз мунда гелегенде чи, Алихан сызакъгъа тамакю сама орнатайыкъ деп токъташгъан эди* (И. Керимов). – «Когда мы приехали сюда, Алихан решил посадить на грядке».

При обобщенном *мы* или в конструкциях с формами 1-го лица множественного числа без местоимения узуальная ситуация или ситуация нереализованного типа включает коннотативный элемент непосредственной передачи обобщенного опыта «от 1-го лица» («мы люди той группы, о которой идет речь, и я в том числе», или «мы люди вообще» так думаем, чувствуем, поступаем, это происходит с нами): *Не этме тюшегенни къадилерден биз башгъа кем билмейбиз, – деди Муслим* (И. Керимов). – «Муслим сказал: “Что делать мы сами лучше знаем, нежели кадии”».

Неопределенно-личные конструкции с формами 3-го лица множественного числа передают повторяющиеся, узуальные и обобщенные ситуации при подразумеваемом классе неназываемых субъектов (характеристика этого класса может выражаться «локативным компонентом»). В данном случае неопределенное или обобщенное множество субъектов обычно не включает говорящего, так что «обобщенный опыт» передает как бы отстранение от говорящего: «так делают люди, имеющие отношение к данному действию», в части случаев «люди вообще». Например: *Тюкенден сатып аш алмайлар* (Керимов). – «Они не покупают в магазине хлеб». *Абзарда олагъа да ер бар, тек эдепли яшлар, чакъыргъанда да гелмейлер* (А. Гьамитов). – «Во дворе и им есть место, однако ребята умные, они не идут, хотя их и приглашают».

В некоторых случаях актуализируется модальный элемент предписания («следует/не следует»), что в сочетании со всеми другими элементами рассматриваемых семантических комплексов дает смысл «так делают (принято делать) и так следует делать», соответственно при отрицании – «так не делают (не принято делать) и так не следует делать»: *Эгер уланыны шиърулары бузукъ тилде язылгъан буса, анасы охумай*

(Р. Гьамзатов). – «Если стихи сына написаны плохим языком, мать их не читает». *Тек сен къаракъушну герген булан къаракъуш болуп къалмайсан* (Р. Гьамзатов). – «Оттого, что ты видишь орла, орлом не становишься».

Таким образом, каждая форма лица, так же как и каждая форма времени, привносит свой оттенок в языковую интерпретацию (способ представления) временной нелокализованности действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола: значение и употребление. М., 1971.

2. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.

3. *Бондарко А. В*. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка. М., 2002.

4. *Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.

5. *Гаджиахмедов Н. Э.* Система времен кумыкского индикатива: Дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1981.

6. *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.